

6. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 238 с.
7. Полевые материалы: информант (ПМИ) Дарнаева З.Н., 1932 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
8. ПМИ Будаева Д.А., 1935 г.р., с. Ранжурово, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
9. ПМИ Унхеев П.Н., 1952 г.р., с. Ранжурово, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
10. ПМИ Пинтаев И.И., 1932 г.р., с. Корсаково, Кабанский р-н, Республика Бурятия.
11. ПМИ Савельева Т.У., 1933 г.р., с. Хандала, Кабанский район, Республика Бурятия.
12. ПМИ Дарибазаров Д.Д., 1951 г. р., с. Загустай, Кижингинский р-н Республика Бурятия.
13. Хандагурова М.В. Погребальная обрядность усть-ордынских бурят // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнологии СО РАН, 2001. С. 218-230.
14. ПМИ Коменданова Г.Р., 1956 г.р., с. Корсаково, Кабанский р-н Республики Бурятия.
15. ПМИ Чимитова Ч.Ш., 1936 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский район Республика Бурятия.
16. ПМИ Жамьянова Т.Д., 1955 г.р., с. Хохорск, Боханский р-н Иркутской области.
17. ПМИ Харандаев Б.А., 1949 г.р., пос. Бохан, Боханский р-н Иркутской области.
18. ПМИ Содномов П.Н., 1945 г.р., род галзут, с. Баянгол, Кижингинский р-н Республика Бурятия.
19. ПМИ Башинов А. П., 1942 г.р., с. Ирхидей, Осинский р-н Иркутской области.
20. ПМИ Мындускин И. П., 1930 г.р., с. Ханда-ла, Кабанский р-н Республика Бурятия.
21. ПМИ Кукшинов С. В., 1969 г.р., с. Корсаково, Кабанский р-н Республика Бурятия.
22. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX - XX вв.). Новосибирск, 2000. 400 с.
23. Хандагурова М.В. Участники погребально-поминальных обрядов усть-ордынских бурят: описание состава и ролевые функции. [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/turov/11.html (дата обращения: 30.04.2016).
24. Степень родства при наследовании [Электронный ресурс]. URL: <http://yurist-otvet.ru>. (дата обращения: 03.05.2016).
25. Жамбалова С.Г. Сохранение и возрождение генеалогической традиции у бурят // Мир Центральной Азии: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2008. № 2. С. 68-76.
26. ПМИ Жабаева К.Е., 1938 г.р., с. Хохорск, Боханский р-н Иркутской области.
27. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.

УДК 371.1

Повседневная жизнь сельских учителей Приангарья в послевоенные годы

С.В. Ковригина

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия
sarapylova@bk.ru

Статья поступила 27.04.2016, принята 15.06.2016

Рассматривается повседневная жизнь сельских учителей Приангарья в 1945–1953 гг. Показана роль государства в осуществлении образовательной политики и ее влияние на увеличение рабочего времени педагогов. Уделяется внимание проблемам материально-технического обеспечения труда учителей. Значительное место отведено исследованию бытовых проблем ангарских педагогов. Раскрывается специфика региона и ее влияние на жизненные стратегии сельской интеллигенции в категориях «работа» и «быт».

Ключевые слова: повседневность; устная история; послевоенный период; школьное образование; Приангарье; Сибирь; учителя.

Everyday life of rural teachers in the Angara River region during the post-war period

S.V. Kovrigina

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

sarapylova@bk.ru

Received 27.04.2016, accepted 15.06.2016

The article considers the everyday life of rural teachers of the Angara River region from 1945 to 1953. Role of the state is shown in the implementation of educational policy, as well as its influence on the increase of teachers' working time. Special attention is paid to the equipment and material support for teachers' labor. Important place in the article is given to the consideration of everyday problems of the teachers, working in the Angara River region. Peculiarities of the region and its influence on the life strategies of rural intelligentsia are shown in «work-life» categories.

Key words: everyday life; oral history; post-war period; school education; Angara River region; Siberia; teachers.

Учителя Приангарья в полной мере испытывали все тяготы военного и послевоенного периода лихолетий. Именно в эти годы образование становится одной из самых феминизированных отраслей, поэтому, исследуя повседневную жизнь учителей в контексте «работа – быт», мы будем рассматривать прежде всего историю учителей-женщин.

Большая часть учительских кадров трудилась в малокомплектных начальных школах. Отметим, что 15 апреля 1949 г. вышло в свет постановление Совета Министров РСФСР о введении всеобщего семилетнего обучения в сельской местности, однако количество средних школ было невелико, находились они в основной своей массе в районных центрах, и чаще всего это были школы-интернаты. В Иркутской области около половины школ всех типов были расположены в шестнадцати густонаселенных южных районах, которые пересекает Восточно-Сибирская железная дорога. Более сложная ситуация сложилась в отдаленных районах Среднего и Нижнего Приангарья, где в связи с малой плотностью населения имелось незначительное количество семилетних и средних школ [1].

Сельским учителям приходилось работать в сложных условиях. Так, деревенские начальные школы Приангарья в большинстве располагались в обычных крестьянских домах или приспособленных помещениях. По воспоминаниям Л.Ф. Щербининой, в д. Листвянка «учились в бывшей

церкви. Широкие подоконники, холодные стены, неуютно» [2]. Площадь классов не соответствовала санитарным нормам [1, с. 75]. За годы войны большинство строений обветшало, не хватало самого необходимого — стекла, кирпичика, кое-где не было дверей. Вопросы, связанные с поддержанием в надлежащем состоянии школьных зданий, должны были решать учителя совместно с правлением колхозов, однако по данным на 1 июля 1953 г. в Иркутской области насчитывалось 302 экономически слабых колхоза из 685 имеющихся [3, с. 93–117], и проблемы чаще всего ложились на плечи учителей, родителей и самих детей. Проверяющие регулярно отмечали, что родительские комитеты школ занимались в основном вопросами материального обеспечения и не уделяли внимания успеваемости учащихся.

Наибольшие трудности были связаны с нехваткой дров, и случалось, что в сильные морозы занятия отменялись. В наиболее отсталых колхозах учителям приходилось вместе со школьниками заготавливать необходимое количество дров на зиму.

Таким образом, школы, с одной стороны, подчинялись министерству образования, с другой — целиком зависели в материальном плане от уровня благосостояния района и колхоза, на территории которого они располагались.

В первые послевоенные годы не хватало учебников, канцелярских товаров. Е.С. Захаренко, учитель из Тангуйского района, рас-

сказывала: «Учебники очень берегли, их выдавали централизованно. Тяжело было с чернилами. Из района привозили ячмень, его пережигали, затем варили и этой смесью писали. Тетради выдавали строго из района, в магазине не продавали. В основном это были грифельные тетради многоцветного использования. Мела из района выделяли очень мало, [поэтому] делали его сами, жгли из известки, этим писали. Сельсовет выдавал керосин, первыми на очереди были школа и учитель. Занятия в школе начинались в восемь утра. Первыми уроками пытались проводить физкультуру, потому что мало света для того, чтобы писать. Спортивной площадки не было, проводили занятия прямо в классе, иногда зимой катались на самодельных лыжах» [4].

К началу 1950-х гг. обеспеченность отдаленных школ учебниками и наглядными пособиями составляла не более 25 %. В средних школах отсутствовали специализированные кабинеты химии, биологии, физики, а имеющиеся кабинеты не имели лабораторного оборудования.

Особое внимание со стороны государства уделялось развитию физкультуры и спорта среди школьников, однако в сельских школах не было спортивных залов. Занятия рекомендовалось проводить на спортивных площадках, которые имели не многие школы. Вопросы обеспечения учебного процесса спортивным инвентарем даже не рассматривались, подразумевалось его самостоятельное изготовление. В связи с этим отмечалось, что учителя начальных школ не ставили в расписание уроки физической культуры и проводили их по мере своих возможностей.

Более высокие требования при том же отсутствии материальной базы предъявлялись к учителям средних и семилетних школ, они были обязаны подготовить учащихся к сдаче норм ГТО и организовать спортивные секции.

Большинство молодых учителей имели среднее специальное образование, подготовки, полученной в педагогических училищах, порой катастрофически не хватало. Получить необходимый опыт у старших коллег было невозможно, так как чаще всего учитель в деревенской школе был один, реже — два. Контроль за уровнем преподавания осуществлялся районными отделами

образования. Е.С. Захаренко вспоминает: «Из управления приезжали часто и жили по четыре — шесть дней, приходилось их прокармливать, а самим есть нечего было. Однажды [я] совершила ошибку, неправильно объяснила склонение у существительных, из района приехали, пришлось отрабатывать в выходной и учить детей заново» [4]. Обязательными были занятия с отстающими учащимися, при этом количество таких индивидуальных консультаций никак не регламентировалось и не оплачивалось, подразумевалось их окончание при достижении результата — положительной отметки по предмету.

В период летних каникул учителя обязаны были присутствовать на курсах повышения квалификации, которые организовывались в районных центрах [5]. Несмотря на все старания отделов образования, отмечалось, что отдаленных деревнях Среднего и Нижнего Приангарья вследствие слабой подготовки учителей к урокам половина учащихся были неуспевающими [6]. Низким был также качественный состав заведующих рай- и гороно. Так, в Иркутской области в 1947 г. только 28,5 % сотрудников отделов образования закончили вузы [7].

Учителя работали в две смены, кроме проведения уроков они обязаны были занимать детей во внеурочное время. Например, учителя организовывали досуг на школьных больших переменах — играли в «третий лишний», пели, водили хороводы [8]. Весной заготавливали березовые ветки на корм для коров, ухаживали вместе с детьми за пришкольными участками [9], летом и осенью работали на колхозных полях. Хотя учителя не были членами колхозов и потому не обязаны выходить в поле, однако, по воспоминаниям, председатели колхозов всегда назначали для них работу, и было стыдно не пойти.

На учителях лежала огромная ответственность по воспитанию юных граждан страны Советов. Обязательным было наличие пионерских дружин в начальных школах и комсомольских организаций — в средних. Данный вид работы должен был соответствовать плану работы школы и подразумевал ежедневную занятость учащихся под руководством учителя.

За качеством идеологической работы учителей пристально следили райкомы партии и комсомола. В рамках этой деятельности необходимо было организовывать различные кружки и спортивные секции, проводить политинформации и классные часы, пионерские сборы, рисовать стенгазеты, готовить выступления школьников к советским праздникам, участвовать в сборе металлолома и макулатуры, заниматься тимуровским движением и т. п. [10]. Подобная воспитательная работа с учащимися не оплачивалась и ее количество не учитывалось.

Обязательными были посещение учащихся на дому и контроль всеобуча. Бедственное материальное положение в семьях приводило к большому отсеву учеников, особенно из семилетних школ. Учителя регулярно обращались за помощью в различные органы власти, от сельсоветов до райкомов партии, выступали инициаторами создания материально-денежных фондов для выполнения всеобуча и помощи школьникам [11].

Помимо основной работы сельские учителя выполняли так называемую общественную нагрузку, которая носила добровольно-принудительный характер. Ее определяли сельские администрации, различные государственные и партийные органы. Учителя работали агитаторами и членами комиссий во время выборов, выступали с докладами на торжественных заседаниях, участвовали в субботниках по санитарной очистке, в художественной самодеятельности и в составе лекторских групп, привлекались к работе в качестве землемеров и счетоводов. В числе обязательных были посещения заседаний правления колхозов, первичных партийных и комсомольских организаций.

В бытовом плане жизнь сельского учителя была более социально защищенной по сравнению с другими категориями сельского населения. Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 10 июня 1930 г. учителя в сельской местности должны были обеспечиваться жилплощадью, освещением и топливом. Однако на практике отмечалось, что «ежегодно средства на ремонт школ и учительских квартир используются только на ремонт школ, а на ремонт квартир средства не выделяются. На аренду квартир для учителей сельские Советы не заключают догово-

ры, учителя вынуждены оплачивать стоимость квартир сами» [12].

Чаще всего молодым учителям выделяли помещения при школах или подсаляли в дома с одинокими стариками, что давало существенную экономию для колхозного бюджета.

В отдаленных районных отделах образования существовала практика неоправданно частого перевода учителей из одной деревни в другую в течение учебного года. Подобного рода переезды отрицательно сказывались на бытовых условиях учителей и членах их семей.

В недостаточном количестве выделялись дрова и керосин, тетради приходилось проветривать при свете лучины.

Трудности крестьянского быта в полной мере ложились и на плечи учителей. При явном недостатке времени, тяжелое материальное положение вынуждало их заниматься ведением личного подсобного хозяйства. Однако во многих колхозах игнорировали постановления партии и правительства и не выделяли сенокосные угодья для учителей, имеющих в личном пользовании коров [12]. В районных центрах были сложности с получением земли для огородов, которые в Приангарье располагались чаще всего вдалеке от усадьбы, на колхозных полях. В данном случае быт учителя целиком зависел от личного расположения колхозного начальства. За ведение личного подсобного хозяйства учителя обязаны были выплачивать полную ставку сельскохозяйственного налога, размер которого в послевоенное время был очень высоким.

Из-за тяжелых бытовых условий существовала большая текучесть учительских кадров в отдаленных районах региона.

По воспоминаниям Е.С. Захаренко, «заработная плата была большая, но вычитали большие налоги. Держали корову — нужно было сдать 8 кг масла, если держали поросят — нужно было сдать шкуру, [если овец] — шерсть. Учителя обязаны были выписывать газеты, большая часть заработка уходила на принудительную покупку облигаций государственного займа. После того как вышла замуж, стали обеспечивать дровами и керосином, выдавали по 8 кг муки. Ходили, как и все колхозники, в телогрейках, пальто не было, но платьев было много. Привозили одеж-

ду специально для учителя, на одежду была первая на очереди. Учителя были как заключенные. Заместитель районо издевался над учителями, часто снимал с работы. Меня снял с работы из-за того, что у меня было трое детей. Потом восстановили» [4].

Молодым педагогам было не всегда просто найти общий язык с сельским социумом. Большинство деревень Среднего и Нижнего Приангарья находились в труднодоступных и отдаленных местах, что, безусловно, оказало влияние на формирование местного крестьянского сообщества. Большинство жителей были связаны кровными родственными отношениями, веками складывалась бытовая и праздничная культура ангарских поселений. Учитель всегда был на виду у всей деревни и не имел права на ошибки.

Так, по воспоминаниям Е.С. Захаренко, в деревне мгновенно узнали, что она была дочерью кулака: «Никто со мной не разговаривал, и даже в магазине ничего не продавали» [4]. Все закончилось благополучно только благодаря личному заступничеству секретаря райкома партии.

Подобные случаи хотя и встречались, но были скорее единичными. В целом в сельском социуме было уважительное отношение к учительскому труду. Так, по воспоминаниям ангарцев, даже старики, увидев учителя, за несколько метров снимали перед ним шапки, чтобы поздороваться [8].

Примечателен и такой факт: в районных газетах Приангарья, в рубрике «Письма в редакцию», нам не удалось обнаружить ни одной жалобы на работу учителей, нарекания получали в основном медицинские работники.

Таким образом, повседневная жизнь сельских учителей зависела от многих факторов: удаленности и труднодоступности региона, благосостояния колхоза, хорошего отношения со стороны сельской администрации, бесчисленных проверяющих и контролирующих партийных и государственных органов.

При официальной фиксированной норме учебной нагрузки работа занимала большую часть личного времени. Трудиться приходилось в тяжелейших условиях, совмещая несколько ставок и выполняя множество общественных поручений.

Трудности крестьянского быта, отсутствие даже гарантированных государством

льгот — все это выглядело малопривлекательно для выпускников педагогических вузов. В бытовом плане в несколько более выгодном положении были учителя, имевшие семьи. Их старались обеспечить жильем, выделяли сенокосные угодья, редко переводили в другие деревни, однако налоговых льгот на личные подсобные хозяйства они также не имели.

Литература

1. Культурное строительство в Иркутской области (1917-1967 гг.) / под ред. А.П. Косых. Иркутск, 1980. С. 74-75.
2. Щербинина Л.Ф. Интервью с Щербининой / записала С. Серова // Арх. уст. истории Байкальской Сибири при каф. истории и методики ИГУ.
3. Назаров П.П. Организаторская работа – основа успехов подъема сельского хозяйства (из опыта работы партийных организаций Иркутской области и Бурятской АССР в период завершения строительства социализма в СССР 1950-1958гг.) // Учен. зап. Иркут. гос. ун-та. Иркутск, 1968. Вып. 3. С. 93-117.
4. Захаренко Е.С. Интервью с Е.С. Захаренко / записала С. Серова // Арх. уст. истории Байкальской Сибири при каф. истории и методики ИГУ.
5. Информации секретарей первичных парт-организаций и отдела пропаганды и агитации райкома партии о состоянии агитационно-массовой работы в колхозах. 1953г. // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.) Ф.1108. Оп. 3. Д. 51. Л. 18.
6. Материалы 6 районной партийной конференции 2-3 августа 1952 г. // Арх. агентство администрации Красноярского края Ф. п-20. Оп. 1. Д. 289. Л. 62.
7. Докладные информации о летне-оздоровительной работе с детьми, о работе пионерских организаций РК ВЛКСМ, пионерских лагерей и др. вопросам 1953 г. // ГАНИИО Ф. 185. Оп. 10. Д. 102. Л. 23.
8. Гостенко А.П. Интервью с А.П. Гостенко / записала С. Серова // Арх. уст. истории Байкальской Сибири при каф. истории и методики ИГУ.
9. Мишарина Н.И. Интервью с Н.И. Мишариной / записала С. Серова // Арх. уст. истории Байкальской Сибири при каф. истории и методики ИГУ.
10. Отчет о работе Иркутского областного комитета ВКП(б), информация о работе школ области за 1946г. // ГАНИИО Ф.127. Оп. 30. Д. 62. Л. 58.
11. Протокол 4-ой районной партийной конференции 14-15 января 1950 г. // Арх. агентство администрации Красноярского края Ф. Оп-20. Оп. 1. Д. 259. Л. 46.